

В. В. ЗЪНЬКОВСКИЙ: Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. UMCA Press Paris. 1926. стр. 291.

Не может быть сомнѣнія въ актуальности поставленной авторомъ темы. Нельзя не согласиться, что «вопросъ о взаимоотношеніи Россіи и Европы принадлежитъ несомнѣнно къ числу тѣхъ, которые требуютъ... безстрашнаго пересмотра — « въ русскомъ обществѣ — и не только въ эмиграціи, но повидимому и въ самой Россіи, — какъ то особенно сосредоточенно и напряженно ставится нынѣ вопросъ о смыслѣ и цѣнности европейской культуры, о «путяхъ Россіи» и о взаимоотношеніяхъ Россіи и Европы» (изъ предисловія автора). Поэтому мы привѣтствуемъ отъ души лежащую передъ нами книгу, какъ сборникъ матеріаловъ и исторіи оцѣнки европейской культуры у русскихъ мыслителей. За краткой вступительной главой о «первой четверти XIX вѣка», въ которой авторъ особо останавливается на Одоевскомъ, слѣдуютъ главы о Гоголѣ, славянофилахъ, Аксаковѣ, А. И. Герценѣ, И. С. Аксаковѣ и Данилевскомъ, К. Леонтьевѣ, евразійцахъ, Страховѣ, Л. Н. Толстомъ, Н. К. Михайловскомъ, В. В. Розановѣ, В. Ф. Эрнѣ, Ф. М. Достоевскомъ, Вл. Соловьевѣ, Бердяевѣ. Краткая заключительная глава, собственно, даже не «подводитъ итоговъ» изложенію, а только намѣчаетъ проблемы, надъ которыми долженъ задуматься читатель. И можетъ быть такое самоограниченіе автора — къ лучшему. Не навязывая читателю (а книга, какъ и инья изданія той же серіи, будетъ несомнѣнно читаться въ самыхъ широкихъ кругахъ) своихъ мнѣній, авторъ оставляетъ его «наединѣ съ собою» и съ изложеннымъ весьма интереснымъ и широкимъ матеріаломъ. И въ русской дѣйствительности послѣднихъ лѣтъ достаточно фактовъ и событій, каждому извѣстныхъ и каждому при чтеніи книги вспоминающихся. Русской литературной критикѣ западной культуры теперь противостоитъ страшная критика Россіи, произведенная исторіей. Автору грозилъ бы значительный субъективизмъ (или по крайней мѣрѣ упреки рецензентовъ въ субъективизмѣ), если бы онъ остановился и на исторической современности. Останемся при оцѣнкѣ книги въ плоскости **прошлага** и мы.

Можно было бы возражать противъ того, что **В. В. Зънковскій** начинаетъ изложеніе XVIII-мъ вѣкомъ, не давая характеристики **предпосылокъ** отношенія русскаго XVIII вѣка къ Западу (а вся полемика съ «латынцами» съ одной стороны, «люторами» и «кальвинами» — съ другой, является по нашему мнѣнію одной изъ существеннѣйшихъ предпосылокъ позднѣйшей полемики противъ «гнилой» и «мѣщанской» Европы). Но авторъ не могъ, конечно, растягивать своего изложенія до безконечности. Коротко останавливаясь на XVIII вѣкѣ, онъ въ немъ ищетъ истоковъ увлеченія съ одной стороны Просвѣщеніемъ, связаннымъ «со всей **технической культурой** Запада» (13), съ другой — «духовными исканіями» Запада — въ масонствѣ въ частности (опечатка превратила тутъ **С. И. Гамалѣю** въ **И. С. Гамалѣю**). Намъ представляется, что первый мотивъ развился только гораздо позже: — въ XVIII-мъ

вѣкъ внѣшній обликъ Запада — не техника, а «мода», блескъ и пышность; второй же мотивъ — гораздо старше и восходитъ еще къ средневѣковому русскому сектанству, къ «Кацермистрамъ» XVI — XVII вѣковъ. Кратко характеризую отношеніе русскихъ къ Европѣ въ періодъ французской революціи, **В. В. Зѣньковский** подробно останавливается на кн. В. Ф. Одоевскомъ, кажется, впервые въ литературѣ удѣляя столько вниманія его критикѣ Запада (слѣдовало бы только еще остановиться на глубокой антипатіи Одоевскаго къ утилитаризму). Вся глава о Гоголѣ (42 — 64) также даетъ совершенно новое освѣщеніе матеріала, рѣзко подчеркивая обычно игнорируемое значеніе Гоголя въ исторіи русской мысли (55, 57, 63 и друг.). — Въ характеристикѣ славянофиловъ въ слѣдующей главѣ (64 — 93) авторъ отмѣчаетъ, въ противоположность общепринятому мнѣнію, независимость отъ западныхъ вліяній центральныхъ идей славянофильства — «несомнѣнно, что въ генезисѣ славянофильства играли не малую роль вліянія нѣмецкой романтики» — «но все же эти вліянія не могли сами по себѣ создать того внутренняго міра, который (въ славянофильствѣ) развился» — (70). Источникомъ этого «внутренняго міра» авторъ считаетъ религиозную позицію православія и съ этой точки зрѣнія даетъ своеобразное истолкованіе цѣлому ряду славянофильскихъ ученій (см. далѣе). Начало новаго мотива критики Европы авторъ видитъ у Герцена — «цивилизация Европы рисовалась, какъ прямое порожденіе праздныхъ ея сословій» (103). Въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ объединяетъ мыслителей болѣе по внутреннему ихъ сродству, чѣмъ хронологически. Здѣсь автора, пожалуй, можно было бы упрекнуть въ излишней полнотѣ. Такъ — онъ включаетъ въ свое изложеніе Данилевскаго (134 — 146), **основнымъ** мотивомъ котораго было **признаніе** своеобразія культурныхъ типовъ и только противъ **навязыванія** европейскихъ культурныхъ формъ русской жизни онъ и могъ, оставаясь послѣдовательнымъ, спорить, а никакъ не противъ «европейской культуры для Европы», европейской культуры, какъ таковой. Несмотря на весь интересъ, представляемый для современнаго читателя «евразійствомъ», нельзя не возражать противъ включенія въ книгу посвященныхъ евразійству страницъ, тѣмъ болѣе, что евразійство еще настолько «im Werden», что эти страницы успѣли уже со времени ихъ написанія нѣсколько устарѣть. И если очень интересны главы, посвященныя отношенію къ Западу Н. Н. Страхова и Н. К. Михайловскаго, то отрицаніе Л. Н. Толстого направлено, по нашему мнѣнію, вовсе не противъ западной культуры, а отчасти противъ культуры вообще, отчасти противъ всякой **ненародной** культуры; и автору на введенныхъ Толстому страницахъ не удалось показать противнаго (182—196). Врядъ ли заслуживать особаго освѣщенія Эрнъ (228 — 233), кстати и его различіе культуры и цивилизаций вѣдь очень старо и восходитъ къ XVIII вѣку*). Поэтому несомнѣнно ясно, зачѣмъ по-

*) См., напр., у Песталоцци въ «An die Unschuld, den Ernst und den Edelmuth meines Zeitalters und meines Vaterlandes» (1815).

надобилось подчеркивать, что «это противопоставление культуры и цивилизации было «выдвинуто» Бердяевым и Эрпом «до Шпенглера» (229, 275). Книга заканчивается главой о Достоевском, Вл. Соловьевъ и Бердяевъ — одной изъ наиболѣе удачныхъ и интересныхъ въ книгѣ.

Наиболѣе своеобразно — и совершенно убѣдительно — въ книгѣ освѣщеніе славянофильства. По мнѣнію **В. В. Зѣньковского** отношеніе славянофиловъ къ Европѣ — отнюдь не безусловно осуждающее и не безнадежно пессимистическое. Подобно Гоголю, они «зовутъ Европу къ покаянію, но не читаютъ ей отходную» (62), ихъ отрицаніе Запада «соединялось даже съ своеобразной и глубокой любовью къ нему» (66). Даже Погодинъ стремился къ синтезу — «соединенію, пополненію» Запада и Востока — «Западъ въ высшей экономіи такъ же необходимъ, какъ и Востокъ» (68). Тѣмъ менѣе можемъ мы встрѣтить поверхностное безоговорочное отрицаніе всего западнаго у славянофиловъ, не принадлежащихъ къ группѣ Шевырева - Погодина. «Отвергать все западное... есть направленіе одностороннее», «истребить вліяніе» европейскаго просвѣщенія въ Россіи «было бы великимъ бѣдствіемъ» писалъ И. Кирѣевскій (72 — 3). Для Хомякова «естъ невольное и неотразимое обаяніе въ этомъ богатомъ и великомъ мірѣ западнаго просвѣщенія»; «мы дѣйствительно ставимъ западный міръ выше себя и признаемъ его несравненное превосходство», признается онъ (73), и даже К. С. Аксаковъ считаетъ, что «не закопалъ Западъ въ землю талантовъ, данныхъ ему отъ Бога!» (73). Однимъ словомъ — славянофилы «знали и любили Западъ» (74), «воспринимали Западъ, какъ христіанскій міръ» (76). — «Собственно у славянофиловъ не было даже особаго «разочарованія» въ Европѣ» (65). И потому для нихъ — задача Россіи не «борьба съ Западомъ», а «спасеніе Запада» отъ опасностей ему грозившихъ и проистекающихъ отъ ошибочности пути, по которому пошло развитіе западной культуры. Это «спасеніе Запада» — въ синтезѣ европейской культуры и Православія» (89). Такимъ образомъ «антизападничество» славянофиловъ «было не только не сильно, но даже постоянно смягчалось—христіанскимъ универсализмомъ» (65). — По мнѣнію автора, славянофилы предвосхищаютъ позицію, занятую по отношенію къ западной культурѣ Достоевскимъ (и Страховымъ — 176 — 182, и И. Аксаковымъ, стр. 124, 128, 129).

Также убѣдительно, по нашему мнѣнію, и противопоставленіе славянофильской позиціи по отношенію къ Западу другой — объединяющей столь различныхъ мыслителей какъ Герценъ и Михайловскій съ одной, Розановъ и К. Леонтьевъ — съ другой стороны. Дѣйствительная вражда къ Европѣ, порой обостряющаяся до ненависти — именно у этой группы русскихъ мыслителей — презирающихъ Европу. Начало мотива презрѣнія можетъ быть нужно искать еще у Гоголя (50, 54). «Отвращеніе» къ мѣщанству — «эстетическое отвращеніе и раздраженіе» противъ «буржуазной» Европы прорывается съ полною силой у Герцена (105 — 8). Элементы такого же отношенія къ Европѣ авторъ отмѣчаетъ у Михайловскаго, но особенно, конечно, у Леонтьева (149, 151—2, 156), для котораго Западъ «увядаетъ» прежде всего эстетиче-

ски «оплощается», «опешляется», «эгалитаризируется», мельчает. Наконец, для Розанова Европа становится «просто скучищей», «ссыхается», леденеет, пошлется (219—220). — И какъ разъ у мыслителей этой группы (къ которой авторъ, какъ будто, относитъ и евразійцевъ), непримиримыхъ и неумолимыхъ въ своихъ сужденіяхъ о Западѣ, по мнѣнію **В. В. Зѣньковского**, — нѣтъ собственно почвы для такого суроваго отрицанія — идеалы Герцена и Михайловскаго не имѣютъ «ни общеобязательности, ни объективной исторической основы» (105), «въ міровоззрѣніи Леонтьева есть черты скептицизма и даже цинизма, ... натурализмъ» (149), въ евразійствѣ «враждебное отношеніе къ Еврейстѣ глубже его идей» (172), у Розанова — «неполное» принятіе христіанства и «натурализмъ» (211 — 212).

Эти основныя линіи опредѣляютъ, конечно, и позицію самого автора. Его симпатіи — на сторонѣ славянофиловъ въ томъ ихъ пониманіи, которое развито въ книгѣ. Авторъ, правда, не излагаетъ и не обосновываетъ своей точки зрѣнія подробно, а въ разныхъ мѣстахъ книги высказываетъ сочувствіе то одному, то другому частному мнѣнію, то одной, то другой отдѣльной мысли, что иногда дѣлаетъ неясными его собственные взгляды, затуманенные также и не совсѣмъ четкою архитектурною книгой, порой нѣсколько расплывчатыми формулировками и нѣкоторою неотдѣланностью стиля. (Ср., напр., стр. 287 — 9 съ тѣми мѣстами, гдѣ авторъ, м. б., не желая быть несправедливымъ высказываетъ сочувствіе то Герцену — 114, то Леонтьеву — 159, то даже «Отъ Капа къ Крупну» Эриа, брошюрѣ, по признанію самого **В. В. Зѣньковского**, произведеніи «тяжелое впечатлѣніе» — 233).

Намъ представляется, что въ темѣ книги вытекаетъ еще одинъ рядъ мыслей, не прослѣженныхъ авторомъ. Западъ отрицается не только «славянофилами» въ широкомъ смыслѣ этого слова, не только «народниками», но и въѣмъ русскимъ «просвѣщенствомъ». И у Бакунина и Ленина вскрыты ихъ мотивы отрицанія Запада было бы весьма интересно. Во всей борьбѣ Ленина и большевизма противъ **западно-европейскаго** социализма вѣдь есть нѣчто весьма специфически русское! И весь русскій «революціонизмъ» (въ томъ числѣ и рядовые «народничество» и марксизмъ, высказывавшіеся не столько въ писаніяхъ идеологовъ и теоретиковъ, сколько въ партійной литературѣ и мемуарахъ) пропитанъ просвѣщенскими элементами. Но «просвѣщенство» не ограничило своего вліянія средними представителями политическаго радикализма. Просвѣщенство «охватило» явнымъ образомъ и цѣлый рядъ видныхъ представителей русскаго искусства и науки. Напр., у Толстого откровенно просвѣщенскихъ элементовъ міровоззрѣнія хоть отбавляй! Презрѣніе къ традиціи и исторіи, небреженіе весьма неоправдываемымъ теоріей, оптимизмъ, идеализирующій эмпирическую реальность — вѣдь они есть и у Толстого.

Но захватъ просвѣщенства еще гораздо шире. И неизмѣримая опасность просвѣщенства — онѣ кроются и во **всей** русской критикѣ Запада.

Всякое просвѣщенство, думая, что идетъ впередъ, въ дѣйствительности возвращается вспять. Не только большевистскій комму-

низмъ, вернувшій Россію хозяйственно на десятилѣтія назадъ, — тому примѣромъ. Тому примѣромъ стало бы, если бы оно было осуществлено, и славянофильское отрицаніе права (о чемъ въ свое время вѣрно писалъ Б. А. Кистяковскій). Тому примѣромъ будетъ, конечно, и евразійство, если ему удастся стать политической силою.

Основной грѣхъ просвѣщенія — игнорированіе какой-либо группы цѣнностей, признаваемыхъ «неважными», «второразрядными», «производными» («надстройка») или «низшими». Между тѣмъ въ системѣ цѣнностей всѣ виды цѣнностей имѣютъ свою необходимую функцію, исключеніе которой разрушаетъ всю систему, подрываетъ ея основы. Ибо и высшія, абсолютныя цѣнности вырастаютъ изъ «низшихъ» и на низшихъ, и низшія, «элементарныя» цѣнности, что лежатъ въ основѣ всей системы, зависимы въ своемъ существѣ и значимости отъ высшихъ, и, наконецъ, «срединныя» цѣнности зависимы и отъ высшихъ и отъ низшихъ, но и для тѣхъ и для другихъ жизненно-необходимы — открывая однимъ возможность служенія высшимъ цѣлямъ, другимъ — сферу ихъ воплощенія въ реальности. Все это игнорируется просвѣщенствомъ во всѣхъ его разновидностяхъ. И если просвѣщенство «западническое», напр., большевистское игнорируетъ высшія цѣнности, сжимая, уплощая всю культурную жизнь въ плоскость цѣнностей низшихъ, въ данномъ случаѣ, хозяйственныхъ и классовыхъ, то многіе русскіе отрицатели Запада повинны въ томъ же самомъ. Игнорируя низшія ступени цѣнностей, они согласны признать только абсолютныя. «Западъ потому и развилъ законность, что чувствовалъ въ себѣ недостатокъ правды» — писалъ К. Аксаковъ. И почти то же говоритъ Михайловскій, когда онъ высказываетъ свою вѣру въ то, что «у насъ личность, одаренная инстинктомъ правды... способна къ гораздо большей широтѣ и смѣлости, чѣмъ европейскій человѣкъ, именно потому, что надъ ней нѣтъ исторіи» — ибо «исторія создаетъ многолюдную тяжесть преданій».

«Преданіе», «законность», но также — «автономная наука», «свобода личности», или, какъ перечисляетъ Леоптьевъ — «мелкодостоинство», «настойчивость», «трудолюбіе»,... «честность» — да, все это цѣнности средняго порядка. Ихъ не сможетъ провозгласить **единственно** священными ни тотъ, кто стремится къ цѣностямъ абсолютнымъ, ни тотъ, кто жаждетъ элементарной, самой простой цѣнности, способной къ возстанію, революціи, бунту, героизму разрушенія. Но безъ среднихъ цѣнностей все зданіе культуры будетъ такъ же неустойчиво, болѣе того, — невозможно, какъ невозможенъ домъ безъ среднихъ этажей. А какъ разъ въ разрушеніи и отрицаніи этихъ цѣнностей едины были въ Россіи и «ненетовые утилитаристы», и «абсолютисты», — для которыхъ законность не имѣетъ цѣнн. к. выше ея правда, наука не стоитъ вниманія, т. к. выше ея мудрость и религія, честность не заслуживаетъ уваженія, т. к. выше ея святость. Эрну принадлежатъ знаменательныя слова — «Я признаю всѣ **вершины** западной культуры». Этотъ «аристократизмъ» вершинъ — величайшая опасность для вершинъ самихъ, ибо вершины невозможны безъ «низовъ», и вершины западной культуры обусловлены и поддерживаются «низами», —

этими прозаическими, «трудолюбивыми», «мѣщанскими», «механическими» труженниками. Да, эти «среднія европейскія фигуры въ цилиндрѣхъ и спортучныхъ парѣхъ» — прозаичны и могли претить «гениальному эстетизму» Герцена и культу силы Леонтьева, и глубокому чувству стихій Розанова, и религіозной вѣрѣ славянофиловъ, и эсхатологическому утолизму Ленина. Всѣ среднія цѣнности и служащія имъ люда — не «красивы», мало импонируютъ, не ярки, не грандіозны. Но нѣтъ ли въ этой ихъ скромности, незамѣтности служенія — своеобразнаго героизма? И если въ абсолютированіи «среднихъ цѣнностей» (а такое абсолютированіе было и есть въ Европѣ) есть опасности и большія опасности, то не больше ли опасности въ небреженіи и гнушеніи этими цѣнностями? Большевиизмъ достаточно ярко учитъ насъ этому (и, думается, нѣтъ надобности ждать еще уроковъ евразійства).

Къ «среднимъ цѣностямъ» принадлежитъ и цѣнность конкретной человѣческой личности. Неудивительно, что русскимъ просвѣщенствомъ живая личность игнорируется. И снова въ этомъ игнорированіи едины оба крыла русскаго просвѣщенства — боевое просвѣщенство политическаго радикализма и скрытое просвѣщенство славянофильской, религіозной, «почвеннической», эстетической и иной «русской» философіи культуры. Это игнорированіе цѣнности личности проявляется какъ въ упомянутой уже недооцѣнкѣ **права**, той специфической цѣнности, которая наиболѣе интимно связана со «сферою свободы» живого человѣка, такъ и въ томъ идеалѣ, что противопоставляется европейскому мѣщанству и посредственности. — Это «абстрактный человѣкъ» — будь то «соціалистическій» крестьянинъ или «революціонный» рабочій, будь то «подвижническая» и «жертвенная» русская интеллигенція или этически идеализированный русскій простолюдинъ. «Абстрактные» рабочій и крестьянинъ сейчасъ даже правятъ Совѣтской Россіей. А въ героизмѣ и самопожертвованіи нѣтъ ли **зерна** (подчеркиваю: **только** зерна) худшаго вида небреженія живой личностью — небреженія **собственной** личностью, въ чемъ вѣдь скрыта, говоря языкомъ религіозныхъ философовъ, высшая и опаснѣйшая **гордыня** (особенно, если жертва приносится за и для «абстрактныхъ» цѣлей или идей)? А, напр., въ пресловутомъ обозначеніи преступниковъ «несчастненькими» нѣтъ ли кромѣ дѣйствительной глубины этическаго сознанія и проявленія не развитости этого сознанія — недостаточности чувства ответственности человѣка за свои поступки, а то даже и нечуткости ко злу въ преступленіи? А русская «широта» не является ли часто оборотной стороной «узости» — отсутствія глубокаго чувства призванія и недооцѣнки призванія?

Намъ представляется поэтому, что врядъ ли правъ **В. В. Зѣньковский**, видящій какъ будто въ русскомъ кризисѣ борьбу западныхъ и русскихъ началъ на русской почвѣ (93). Вѣроятно съ большимъ правомъ можно было бы говорить о борьбѣ «абстрактныхъ» русскихъ идей съ конкретной русской жизнью. Да и въ этой борьбѣ не только на сторонѣ революціи европейская духовная культура. **В. В. Зѣньковский** не отрицаетъ и самъ, что, напр., славянофильство и русская религіозная философія въ значительной степени оплодотворены евро-

пейской мыслью. А намъ это вліяніе представляется еще болѣе значительнымъ. Русская критика западной культуры искала и ищетъ обоснованія въ нѣмецкой философіи (напр., у Шеллинга), но и — особенно въ послѣдніе годы — просто беретъ за образецъ западную (нѣмецкую) критику Запада (Зиммель, Шелеръ, Шпенглеръ). Но и, напр., популярный нынѣ идеалъ «новаго средневѣковья», вѣдь не является идеаломъ средневѣковья **русскаго** типа, а средневѣковья — **западнаго**. Такъ — аргументы въ пользу западничества даютъ и современные «антизападники», свидѣтельствуя тѣмъ, что связь Россіи съ Западомъ не случайна, а глубока и существенна. Значеніе книги **В. В. Зѣньковского**, между прочимъ, и въ томъ, что онъ напоминаетъ (со своей точки зрѣнія — см. стр. 286 — 8) о связанности историческихъ путей Россіи и Запада и правильно указываетъ, что не черезъ **исканіе** національнаго **своеобразія** творится **національная** культура, а черезъ служеніе объективнымъ **наднаціональнымъ** цѣнностямъ и черезъ стремленіе къ объективнымъ, общезначимымъ цѣлямъ.

П. Прокофьевъ.

В. Н. ГОРБАЧЕВА: Молодые годы Тургенева (по неизданнымъ матеріаламъ). Казань. 1926. Стр. 47.

Работа **В. Н. Горбачевой** существенно обогащаетъ литературу о философскихъ истокахъ міровоззрѣнія Тургенева. Послѣ интересныхъ этюдовъ **Гершензона** («Мечта и мысль Тургенева») и работы **Л. Гроссмана** (въ Одесскомъ сборникѣ памяти Тургенева), посвященной міровоззрѣнію Тургенева на склонѣ его жизни (вліяніе позитивизма и Шопенгауэра), совершенно необходимымъ было изслѣдованіе «первой философской любви» Тургенева — его юношескаго увлеченія гегельянствомъ. Небольшой, живо и интересно написанный этюдъ г-жи **Горбачевой** въ существенномъ посвященъ именно этой задачѣ. Используя не только существующую литературу, но и архивные матеріалы орловскаго тургеневскаго архива, авторъ освѣщаетъ берлинскій періодъ жизни Тургенева (1840 — 41), его участіе по возвращеніи въ Москву въ гегельянскомъ кружкѣ Аполлона Григорьева. Затѣмъ слѣдуютъ страницы, занятія характеристикой философской работы Тургенева въ Москвѣ, главнымъ образомъ на основаніи рукописи его магистерской диссертации. Далѣе авторъ особо останавливается на эстетическихъ взглядахъ Тургенева, сближая ихъ съ эстетикой Гегеля, возвращаясь къ этой темѣ отчасти еще и въ особомъ «приложеніи» — «Отголоски философской романтики въ творествѣ Тургенева», гдѣ находимъ обзоръ всѣхъ образовъ, связанныхъ, по мнѣнію г-жи **Горбачевой**, съ гегельянскими симпатіями Тургенева и его юношескимъ увлеченіемъ нѣмецкой романтикой; такіе образы г-жа **Горбачева** отмѣчаетъ въ «Рудинѣ», «Яковѣ Пасынковѣ», «Фаустѣ», «Асьѣ», «Дворянскомъ гнѣздѣ», «Наканунѣ».

Книжка заслуживаетъ вниманія не только историка литературы, но и историка философіи. Для русской мысли часто только прослоч-